PG3452
.N27
1906

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“.

a 00003 068058

№. 55.

Л. Андреевъ.

НА РѢКѢ.

LNA RIEKIE

Цѣна 4 коп.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“. Контора т-ва: Спб., Невскій, 92.

1906.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“:

Цѣна:

1. М. Горькій. Пѣсня о соколѣ. — Пѣсня о буревѣстникѣ.—Легенда о Марко . . . 2 к.
2. М. Горькій. Человѣкъ . . . . . 2 „
3. М. Горькій. Макаръ Чудра . . . . . 3 „
4. М. Горькій. О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ, любителѣ истины . . . . . 2 „
5. М. Горькій. Емельянъ Пиляй . . . . . 3 „
6. М. Горькій. Дѣдъ Архипъ и Ленька . . . . . 5 „
7. М. Горькій. Челкашъ . . . . . 7 „
8. М. Горькій. Старуха Изергиль . . . . . 5 „
9. М. Горькій. Однажды осенью . . . . . 3 „
10. М. Горькій. Мой спутникъ . . . . . 6 „
11. М. Горькій. Дѣло съ застежками . . . . . 3 „
12. М. Горькій. На плотахъ . . . . . 3 „
13. М. Горькій. Болесь . . . . . 2 „
14. М. Горькій. Тоска . . . . . 10 „
15. М. Горькій. Коноваловъ . . . . . 10 „
16. М. Горькій. Ханъ и его сынъ . . . . . 2 „
17. М. Горькій. Супруги Орловы . . . . . 12 „
18. М. Горькій. Бывшіе люди . . . . . 12 „
19. М. Горькій. Озорникъ . . . . . 5 „
20. М. Горькій. Варенька Олесова . . . . . —
21. М. Горькій. Товарищи . . . . . 4 „
22. М. Горькій. Въ степи . . . . . 3 „
23. М. Горькій. Мальва . . . . . 10 „
24. М. Горькій. Ярмарка въ Голтвѣ . . . . . 3 „
25. М. Горькій. Зазубрина . . . . . 3 „
26. М. Горькій. Скуки ради . . . . . 5 „
27. М. Горькій. Каинъ и Артемъ . . . . . 6 „
28. М. Горькій. Дружки . . . . . 4 „
29. М. Горькій. Проходимецъ . . . . . 7 „
30. М. Горькій. Кирилка . . . . . 3 „
31. М. Горькій. Васька Красный . . . . . 5 „
32. М. Горькій. Двадцать шесть и одна . . . . . 5 „

PG3452
.N27
1906

Л. Андреевъ.

237

НА РѢКѢ.

Алексѣй Степановичъ, машинистъ при Буковской мельницѣ, среди ночи проснулся, не то уже выспавшись, такъ какъ наканунѣ онъ завалился спать съ восьми часовъ, не то отъ ровнаго шума дождя по желѣзной крышѣ, отъ котораго онъ отвыкъ за семь зимнихъ мѣсяцевъ. Рамы въ окнахъ уже были выставлены, и звукъ приносился густой и отчетливый, точно надъ желѣзомъ крыши опрокинули мѣшокъ съ горохомъ, и сквозь этотъ шумъ едва пробивалось мягкое и задумчивое бульканье. Алексѣй Степановичъ засвѣтилъ огонь и, накинувъ пальто, выглянулъ наружу. Было такъ темно, что въ первую минуту онъ не могъ разсмотрѣть ракиты, которая стояла какъ разъ у входа. Грохотъ дождя на крышѣ сталъ глуше, но бульканье усиливалось; и Алексѣй Степановичъ понялъ, что капли дождя попадаютъ въ воду, и удивился, откуда она взялась у его домика, стоявшаго на бугоркѣ. Постепенно тьма начала двигаться передъ глазами и сбираться въ черныя пятна, похожія на провалы въ темно-сѣромъ полотнѣ. Вотъ темною полосою вытянулась ракита; за нею чернымъ пятномъ всталъ баракъ, въ которомъ находится потухшій паровикъ; дальше, какъ туча съ причудливыми краями, расплывался высокій четырехэтажный корпусъ мельницы. Одно окно, подъ крышей, слабо свѣтилось, и прямо подъ нимъ, въ самомъ низу, смутно колебалось и двигалось на одномъ мѣстѣ свѣтлое пятно.

— Ого, куда подошла!—подумалъ про воду Алексѣй Степановичъ съ тѣмъ пріятно-жуткимъ чувствомъ, съ какимъ люди встрѣчаютъ проявленіе грозной силы природы. Набросивъ пальто на голову, онъ обошелъ по ледяному, еще не стаявшему пласту вокругъ своего домика и заглянулъ за уголъ, туда, гдѣ находилась рѣка, а за нею, на противоположномъ берегу, раскидывались послѣдніе домишки Стрѣлецкой слободы. Но теперь не видно было ничего, точно міръ кончался въ двухъ шагахъ отъ Алексѣя Степановича, а дальше былъ бездонный провалъ, и тамъ не слышалось ни звука и не виднѣлось ни огонька, ни свѣтлаго пятна. Дождь шлепалъ гдѣ-то вблизи, а изъ черной пропасти подувало легкимъ вѣтеркомъ, несло свѣжестью и тиной и неуловимымъ запахомъ льда, воды и навоза. Алексѣю Степановичу почудился крикъ; онъ долго вслушивался и даже снялъ пальто съ головы, но только дождь нарушалъ зловѣщую тишину, обнявшую рѣку. Очевидно, онъ ошибся.

И снова то непріятное, что не оставляло Алексѣя Степановича всю страстную недѣлю, завозилось въ его душѣ и отняло у ночи ея жуткую прелесть. Онъ обругалъ дождь, скользкій ледяной пластъ, свою маленькую одинокую комнатку, мельника Никиту, храпѣвшаго въ кухнѣ, и повалился на кровать, опротивѣвшую за шесть дней непрерывнаго леженья, отъ котораго кости ломило больше, чѣмъ отъ работы. Противно было все, что въ немъ и что вокругъ него. Шесть дней онъ не умывался и не причесывалъ волосъ; Никита всегда вносилъ на сапогахъ грязь; въ окна глядѣло сѣрое, тусклое небо, и все это создавало ощущеніе чего-то нечистаго, безпорядочнаго. И такими же нечистыми казались и мысли. Въ началѣ поста стрѣльцы избили его за ильманинскую Дашу, и онъ двѣ недѣли пролежалъ въ больницѣ и поссорился изъ-за этого съ управляющимъ; а когда выписался и съ револьверомъ

въ карманѣ прошелся по слободѣ, Даша отвернулась, а проклятые ребята прыгали вокругъ на одной ножкѣ и пѣли: „Баринокъ, а баринокъ, зачѣмъ корявую утку съѣлъ?“ Онъ грозно смотрѣлъ на встрѣчныхъ, ожидая косого взгляда, чтобы завязать драку, но всѣ потупляли глаза, а за спиной чей-то угрюмый голосъ пробурчалъ:

— Попрыгай, попрыгай! Авось допрыгаешься!

Разбойники эти стрѣльцы: стоятъ за своихъ дѣвокъ горой и никого со стороны не подпускаютъ: въ третьемъ году у одного телеграфиста гитару на кусочки разломали, а самого чуть струной не удавили. И всѣмъ Алексѣй Степановичъ чужой. Мельники за спиной смѣются и дразнятъ баринкомъ; настоящіе господа сторонятся и никогда руки не подаютъ. И Алексѣй Степановичъ то винилъ людей и жалѣлъ себя, то думалъ о своемъ характерѣ, гордомъ и неуступчивомъ, и думалъ, что все горе его жизни проистекаетъ отъ него самого. Но было одинаково тяжело и то, и другое и вызывало одинаковое чувство тошноты и скуки, которую хотѣлось сбросить съ себя, какъ тѣсное, неудобное и грязное платье. Крѣпкія мышцы и здоровое тѣло требовали труда и движенія, а онъ лежалъ, какъ колода, и чѣмъ больше лежалъ, тѣмъ противнѣе становился самому себѣ. Приходили такія мысли, что если бы кто-нибудь взялъ его за шиворотъ и выбросилъ на дворъ, онъ сдѣлалъ бы для него доброе дѣло. Долго ворочался и вздыхалъ Алексѣй Степановичъ и заснулъ только тогда, когда окно, до тѣхъ поръ не отдѣлявшееся отъ черныхъ стѣнъ, стало опредѣляться въ видѣ синяго четырехугольника.

— Степанычъ! Алексѣй Степанычъ! — будилъ его Никита, бѣлый отъ мучной пыли, въѣвшейся въ лицо и полушубокъ.—Буде спать-то! Невѣсту проспишь.

У Никиты было круглое, безусое лицо, и онъ всегда смѣялся и со всѣми держался наравнѣ: съ Алексѣемъ

Степановичемъ, самимъ Буковымъ и дѣвками, которыхъ онъ соблазнялъ шутками, кумачною рубахою и подсолнухами. Даже суровые стрѣльцы, и тѣ любили его и дрались съ нимъ, какъ съ равнымъ, а не били его гуртомъ.

— Глянь-ка, что вода-те дѣлаетъ!—продолжалъ Никита.—Страсти!

Полный темными впечатлѣніями ночи, Алексѣй Степановичъ неохотно повернулся отъ стѣны—и былъ ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ наполнявшимъ комнату. Въ окно падалъ золотой столбъ солнечнаго свѣта, и въ немъ весело поблескивалъ пыхтѣвшій самоваръ, а снаружи неслись бодрые звуки голосовъ и отчаянно звонкое щебетанье воробьевъ. Никита, подававшій самоваръ, открылъ окно, и оттуда несло ароматнымъ тепломъ, ласкавшимъ горло и щекотавшимъ въ носу. Первый разъ за недѣлю выглянуло солнышко, и все радовалось ему.

— Ловко!—крикнулъ Алексѣй Степановичъ и босикомъ подбѣжалъ къ окну, выходившему на рѣку. То, что онъ мелькомъ увидѣлъ, было такъ ново, интересно и весело, что онъ поспѣшно бросился натягивать брюки и высокіе сапоги, у колѣнъ стягивавшіеся ремешками. Пока онъ одѣвался, Никита сталъ подъ солнечные лучи, поднялъ лицо кверху и сладко зажмурилъ глаза. Постепенно лицо его стало дергаться, и брови взлѣзали на лобъ; еще разъ со свистомъ онъ втянулъ носомъ воздухъ—и чихнулъ такъ громко и звучно, что на секунду не слышно стало воробьевъ.

— Вотъ, братъ, исторія,—сказалъ онъ, приводя носъ въ порядокъ и моргая глазами,—съ утра нынче чкаю. Какъ поднимешь морду въ упоръ солнца, такъ и чкнешь.

Алексѣй Степановичъ выскочилъ въ дверь, чуть не стукнувшись головой о низкую притолоку—и остановился: передъ самыми его ногами стояла вода, уже окружившая ракиту, и по ней тихо плыли и кружились грязныя соломенки навоза, смытаго со двора. Въ

заводи было тихо, и ракита уходила вверхъ и внизъ, и отраженіе ея, со смягченными нѣжными красками, было красиво и воздушно. Снаружи еще сильнѣе чувствовалось сладостное тепло, и свѣтъ лился не только отъ солнца, но отъ всего синяго яркаго неба, а воробьи кричали, какъ пьяные. И на фонѣ ихъ немолчнаго крика остальные звуки выдѣлялись веселые и мелодичные. По двору, между тремя образовавшимися островами: мельницей, баракомъ и домикомъ Алексѣя Степановича, скользили двѣ большія и неуклюжія лодки, и мельники, бѣлые отъ муки, со смѣхомъ и шутками вылавливали поднятый водою тесъ. Желтыя доски спокойно лежали на водѣ, и увлекаемыя незамѣтнымъ теченіемъ, поворачивались концами къ рѣкѣ. Ручеекъ, начинавшійся отъ стѣны домика, проточилъ себѣ ходъ въ ледяномъ наростѣ и тихонько вливался въ воду, журча мягко и скромно.

— Чисто въ крѣпости,—весело сказалъ Никита.—Теперь, братъ, шабашъ; коли не пріѣду за тобой съ лодкой, тутъ тебѣ и пропадать!

Лодка была тутъ же, привязанная къ болту отъ ставни. Алексѣй Степановичъ и Никита переправились на мельницу и вышли на галлерейку, висѣвшую надъ рѣкой на высотѣ третьяго этажа. Тамъ уже собрался народъ, рабочіе и управительская семья, и женщины ахали и боялись подойти къ периламъ. Сухо поздоровавшись съ управляющимъ, толстымъ и рыжимъ мужчиною, Алексѣй Степановичъ сталъ смотрѣть на рѣку.

— Тридцать годовъ, баютъ старики, такой воды не было,—говорилъ пожилой мельникъ.—Бѣда народу-то.

— Къ утру спадетъ,—авторитетно отвѣтилъ управляющій.—Это вода не полая, дождевая. Снѣгъ-то уже весь потаялъ.

— Народу-то, я говорю,—бѣда,—продолжалъ мельникъ, смотря изъ-подъ ладони на катившуюся рѣку.—Для ради праздника-то.

Дѣйствительно, вода все такъ измѣнила, что Алексѣй Степановичъ долго не узнавалъ знакомой мѣстности. Недѣлю тому назадъ виднѣлись еще столбы отъ рухнувшей плотины, а теперь на ея мѣстѣ было такъ ровно и гладко, словно тутъ человѣкъ никогда и не пытался поставить преграду вольной стихіи. Противоположнаго берега не было совсѣмъ. Вода вливалась въ улицы и переулки слободы, отъ которой оставались однѣ крыши, словно самые дома ушли подъ землю. Между ними ползало двѣ-три лодки, и стоялъ такой крикъ, какой бываетъ на ночныхъ пожарахъ. Направо отъ слободы, по теченію, берегъ подымался горой, и на немъ сверкали стеклами и бѣлыми стѣнами городскія постройки, и виднѣлась темная полоса столпившагося на берегу народа. Какъ второе маленькое солнце, горѣлъ соборный крестъ. Налѣво, въ верстѣ, висѣлъ высоко надъ водою желѣзнодорожный мостъ, и по немъ тихо ползъ бѣлый клубочекъ дыма. Внизу, около самой насыпи, торчали изъ воды голыя верхушки деревьевъ, и одиноко чернѣла крыша.

Звонкіе голоса мельниковъ, ловившихъ доски, сіяніе неба и солнца, разноголосый крикъ на той сторонѣ, казавшійся также веселымъ подъ этимъ чистымъ небомъ, бѣлый клубочекъ дыма—все это создавало живую и радостную картину и наполняло душу бодростью и желаніемъ дѣятельности, такой же живой и веселой.

— Надоть бы лодку подать,—сказалъ пожилой мельникъ, протягивая руку къ затонувшей слободѣ.

— Вотъ управимся, ужо дадимъ,—отвѣтилъ управляющій.

Вошелъ рабочій съ лицомъ радостнымъ и испуганнымъ, какъ у человѣка, который принесъ свѣжую и страшную новость, и еще издалека крикнулъ:

— Братцы, а воды-то прибываетъ!

И хотя это было дѣйствительно страшно для тѣхъ домишекъ, отъ которыхъ уже оставались однѣ крыши,

всѣмъ стало еще радостнѣе, и только пожилой мельникъ сердито оборвалъ:

— Буде врать-то!

— Ей-Богу! Я на палкѣ зарубку поставилъ. Покрыла!

Всѣ посмотрѣли на воду такъ, точно они видѣли ее въ первый разъ, и только теперь узнали, какой у нея коварный и грозный нравъ, и всѣ разомъ заговорили. Пожилой мельникъ тыкалъ пальцемъ по направленію слободы, управляющій соображалъ и перебиралъ на животѣ цѣпочку часовъ, а женщины требовали, чтобы ихъ успокоили и сказали, что вода не подойдетъ къ управительскому дому и службамъ, стоявшимъ высоко на горкѣ. Алексѣй Степановичъ еще разъ окинулъ взглядомъ рѣку и отправился къ себѣ. Самоваръ потухъ, и солнце уже отошло отъ окна, и только кусокъ бѣлой скатерти рѣзалъ глаза и бросалъ отсвѣтъ на стѣну. Но скоро потухъ и онъ, и сразу стало скучно и темно, какъ и вчера ночью. Алексѣй Степановичъ легъ на кровать и попробовалъ читать самоучитель французскаго языка, но чтеніе не шло. Крики на дворѣ стихли. Раза два входилъ Никита и сообщалъ, что одну лодку уже послали къ стрѣльцамъ, и что вода, кажется, подымается. Потомъ онъ подалъ постный, невкусный обѣдъ.

— Смотри, тебя тутъ не замочило бы,—сказалъ онъ, глядя, какъ машинистъ лѣниво полоскалъ ложку въ холодныхъ щахъ.—Къ порогу подошла.

Алексѣй Степановичъ молчалъ.

— Разговляться къ управителю пойдешь?—спрашивалъ Никита.

— Пошелъ ты съ нимъ къ чорту!

Никита разсмѣялся.

— Ну, вотъ, разсердился! Чудакъ! А я, братъ, сейчасъ тоже поѣду. Вторую лодку даемъ. У кузнеца Баранка хата развалилась, чуть не утопли всѣ.

Баранокъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые избили машиниста.

— Поѣдемъ, братъ, что слюни пускаешь! — продолжалъ Никита.—Я тебѣ тамъ такую покажу... у—ахъ!

Когда вторая лодка, съ Никитой на рулѣ, уже отчаливала, Алексѣй Степановичъ высунулся изъ окна и крикнулъ:

— Погоди! Я съ вами!

Когда онъ входилъ въ лодку, ему было неловко: всѣ знали, что стрѣльцы избили его, и теперь должны были смѣяться, что онъ ѣдетъ къ нимъ на помощь. Но мельники были ласковы и смотрѣли на его участіе, какъ на дѣло самое простое и естественное, и никто даже и не вспомнилъ о дракѣ, которая не имѣла и не могла имѣть отношенія къ тому, что происходило сейчасъ. И когда они поплыли на середину рѣки, и мельница стала казаться маленькой и низенькой, словно опустившейся въ яму, Алексѣй Степановичъ забылъ о неловкости и весь ушелъ въ борьбу, отъ которой становилось легко и бодро. Лодку кружило и гнало внизъ, и весла скрипѣли въ уключинахъ; о бортъ стукнула маленькая льдинка и, повернувшись вокругъ себя, обошла лодку.

— Хорошо, что ледъ-то прошелъ,—сказалъ Никита, чувствовавшій себя бариномъ и склонный къ бесѣдѣ.

– Н-да,—отвѣтилъ одинъ изъ гребцовъ,—а то форменно бы счистило.

— Степанычъ! А отчего я теперь не чкаю? Морду подымешь, а не чкаешь... Ну, веселѣе, веселѣе, ребята! Налягай. Разъ!..

Въ залитыхъ улицахъ слободы вода стояла спокойная и глубокая, и только мѣстами лѣниво кружились щепки и доски поломанныхъ заборовъ. Первые къ рѣкѣ чердаки были уже пусты и безмолвно глядѣли своими оконцами; но дальше, на Холодной улицѣ, гдѣ никто не ожидалъ воды и не принялъ никакихъ мѣръ, господствовала суматоха, и слышались визгливые женскіе голоса и плачъ дѣтей. Нѣсколько лодокъ, подававшихъ

помощь, не успѣвали принимать и перевозить на сушу всѣхъ желающихъ, и спасатели не на животъ, а на смерть ругались все съ тѣми же бабами, совавшими въ лодку всякую рухлядь. Дѣти вертѣлись подъ ногами, высовывались, рискуя свалиться въ воду, изъ отверстій разломанныхъ крышъ, перекликались другъ съ другомъ, орали, когда ихъ била нетерпѣливая рука и, какъ мѣшки съ мукой, шлепались въ поданную лодку. Тамъ они сидѣли не шевелясь и таращили глаза, полные восторга: для нихъ, привыкшихъ съ дѣтства къ рѣкѣ, вся эта исторія казалась неожиданнымъ развлеченіемъ. Изъ щели одного чердака торчала надъ водой удочка съ подвязанной ниткой. Самого рыбака видно не было, но, судя по удивительному хладнокровію и настойчивости, онъ не могъ принадлежать къ старшему поколѣнію стрѣльцовъ.

Алексѣй Степановичъ причалилъ къ первому чердаку, откуда настойчиво звала лодку чья-то голая женская рука, и съ этой минуты уже ни о чемъ не думалъ. Онъ погружался во тьму чердаковъ, гдѣ натыкался на балки и ударялся головой о стропила, и снова на мигъ выглядывалъ на свѣтъ, нагруженный всякимъ тряпьемъ, и эти тряпки казались ему такими же цѣнными, какъ и самимъ бабамъ. Вокругъ него кричали, голосили, спорили и ругались; передъ глазами мелькали бородатыя и безбородыя лица, всѣ знакомыя и привѣтливыя: теперь онъ уже не могъ бы разобрать, кто билъ его когда-то и кто не билъ. Шею его охватывали дѣтскія грязныя ручки, и къ плечу прижималось то испуганное личико дѣвочки, то восторженное и замазанное лицо мальчугана. Разъ въ его руку попала кукла,—картонная, съ проломаннымъ черепомъ, откуда лилась вода, когда куклу брали за ноги; какой-то сердитый и упрямый мальчуганъ сперва заставилъ его положить въ лодку ящикъ съ бабками, а потомъ уже согласился сѣсть и самъ. И когда, съ нагружен-

ной по край лодкой, онъ пробирался по узкимъ переулкамъ, а то и прямо черезъ сады, поверхъ затопленныхъ заборовъ, и гибкія вѣтви деревьевъ съ разбухшими почками царапали его лицо, ему чудилось, что весь міръ состоитъ изъ спокойной, ласковой воды, яркаго, горячаго солнца, живыхъ и бодрыхъ криковъ и привѣтливыхъ лицъ. Онъ болталъ съ ребятами, успокаивалъ, утѣшалъ, распоряжался, и голосъ его самому ему представлялся полнымъ, и звонкимъ, и временами думалось, что праздникъ, большой и свѣтлый, уже наступилъ и никогда не кончится. Случилось, что его лодка проходила мимо большого каменнаго дома, въ которомъ всѣ окна второго этажа были открыты, и у нихъ толпились женщины. Среди нихъ машинистъ узналъ Дашу и съ улыбкой поклонился, и она такъ же съ улыбкой отвѣтила и что-то крикнула. Онъ не разобралъ словъ, но по голосу понялъ, что это были какія-нибудь хорошія и ласковыя слова.

Чердакъ смѣнялся чердакомъ, и такъ какъ всѣ они были одинаково темны и убоги и похожи одинъ на другой, Алексѣй Степановичъ пересталъ различать ихъ и думалъ, что онъ возится все въ одномъ. И только потому, что путь до суши становился все короче, солнце стало свѣтить не такъ ярко, и они чаще попадали въ холодную тѣнь, онъ понималъ, что время идетъ къ вечеру, и работа, радостная и веселая, кончается. Промокшій, голодный, онъ жалѣлъ объ этомъ и боялся потерять то, что кружило теперь его голову, какъ вино, и озаряло душу смѣющимся свѣтомъ. До сихъ поръ онъ не зналъ, что любитъ людей и солнце, и не понималъ, почему они такъ измѣнились въ его глазахъ, и почему хочется ему и смѣяться, и плакать, глядя въ испуганное лицо дѣвочки или подставляя зажмуренные глаза солнечному лучу, желтому и теплому. Точно онъ впервые открылъ искусство и наслажденіе дыханія, и то, что входило въ его грудь, было

и свѣтъ, и тепло, и завтрашній праздникъ; и хотѣлось не думать, а только дышать—дышать безъ конца.

Когда они возвращались на мельницу, солнце заходило за мостомъ, почти не видномъ теперь въ этомъ пылающемъ кострѣ, и только высокая насыпь бросала длинную синюю тѣнь. Небо ушло въ высь, и между нимъ и водою было такъ много воздуху, простора и мягкаго тепла, и такъ далеко былъ городъ и затопленные берега, точно весь міръ раздвинулся въ ширь и въ высь и не хотѣлось входить въ низенькія комнаты, гдѣ давятъ потолки. Мельники говорили о томъ, что́ было, и смѣялись надъ Никитой, который свалился въ воду и теперь сидѣлъ мрачный и синій отъ холода и думалъ о бабѣ, которую онъ обнялъ въ темнотѣ чердака, и которая дала ему по шеѣ. Шутилъ и Алексѣй Степановичъ, и мельники не удивлялись, что мрачный и гордый баринокъ сталъ простымъ и обходительнымъ.

— Дома!—сказалъ мельникъ, когда лодка шарахнулась бокомъ о ракиту и стукнулась о порогъ домика.

Но и въ комнаткѣ Алексѣя Степановича, когда засвѣтился въ ней яркій огонекъ, и запѣлъ начищенный къ празднику самоваръ, стало весело и уютно. Алексѣй Степановичъ, возбужденный и разговорчивый, посадилъ съ собою Никиту, но тотъ мрачно выдулъ пять стакановъ чаю и, несмотря на уговоры, отправился вздремнуть до заутрени: его разморило свѣжимъ воздухомъ и работой.

— Ложись и ты,—посовѣтовалъ онъ машинисту.— Разбѣгался, чисто жеребенокъ. Къ управителю-то пойдешь?

— Пойду.

— То-то.

Алексѣй Степановичъ легъ на постель, заложивъ руки за голову, но черезъ нѣсколько минутъ вскочилъ. Его снова тянуло на просторъ и снова хотѣлось пережить весь этотъ дивный день съ самаго его начала—

съ той минуты, когда блеснуло солнце въ глаза, отуманенные видѣніями ночи и тоски.

Стояла уже ночь теплая, тихая, торжественная, полная звучной тишины, когда Алексѣй Степановичъ вышелъ на галлерейку. Хлюпала вода, покачивая лодки, и звѣзды дрожали на ея зыбкой поверхности. Еще шире, еще полнѣе сталъ міръ, и не видѣлось конца водѣ, уходившей въ прозрачную тьму. Слобода скрылась совсѣмъ, и только далекій городъ мерцалъ и повторялся въ рѣкѣ огоньками, такими живыми и теплыми, такъ непохожими на безжизненное сіяніе звѣздъ. Еле слышный донесся грохотъ экипажа по мостовой и сразу смолкъ, точно экипажъ остановился или свернулъ за уголъ; но долго еще ухо ловило его отголоски. Налѣво, тамъ, гдѣ находился невидимый теперь мостъ, горѣлъ зеленый огонекъ, похожій на низко опустившуюся звѣзду. Алексѣй Степановичъ оперся на перила и долго смотрѣлъ на городъ, гдѣ онъ чувствовалъ живыхъ людей, предпраздничную веселую работу и сутолоку. Совсѣмъ ясно представлялись ему прибранныя уютныя комнаты, въ которыхъ пахнетъ сыростью отъ вымытыхъ половъ, бѣлыя кисейныя занавѣски, красныя и зеленыя лампадки передъ сіяющими образами и сдержанный веселый говоръ людей, одѣвающихся въ свое лучшее платье—все то, что видѣлъ онъ въ дѣтствѣ.

И снова, какъ и вчера ночью, ему послышался крикъ о помощи.

Алексѣй Степановичъ впился глазами въ темноту, глядѣлъ и слушалъ такъ внимательно напряженно, что въ ушахъ зашумѣла кровь, но крикъ не повторялся.

— Опять почудилось,—подумалъ Алексѣй Степановичъ, какъ вдругъ тамъ, гдѣ зеленѣлъ желѣзнодорожный фонарь, внизу, мелькнулъ слабый и рабочій огонекъ и тотчасъ погасъ. И машинистъ вспомнилъ ту одинокую черную крышу, которую онъ замѣтилъ еще утромъ, и свою мысль о безвыходности заключенныхъ подъ этой

крышей,—мысль, мелькнувшую тогда же утромъ, но забытую днемъ.

Никита спросонокъ послалъ Алексѣя Степановича къ чорту, и онъ рѣшилъ ѣхать одинъ, въ душегубкѣ. Онъ былъ увѣренъ, что людей уже нѣтъ въ затонувшемъ домикѣ; но въ крикѣ о помощи, почудившемся или бывшемъ въ дѣйствительности, звучала такая безпомощность и тоска, что онъ не въ силахъ былъ ослушаться призыва. Грести пришлось противъ теченія, и Алексѣй Степановичъ въ нѣсколько минутъ покрылся потомъ. На серединѣ рѣки его понесло внизъ, но онъ съ усиліемъ выправился и отдохнулъ въ залитой слободской улицѣ, куда загнало его теченіемъ. Теперь чердаки были сумрачно молчаливы и черны и казались немного страшными, какъ крышки большихъ гробовъ, такъ же, какъ и черная рѣка, полная скрытой жизнью, таинственнымъ шопотомъ и силой. Она словно боролась съ Алексѣемъ Степановичемъ, вырывала весла и угрожающе-весело журчала у носа лодки. Пробираясь вдоль берега черезъ затопленные призрачные сады, вздрагивая отъ прикосновенія холодныхъ вѣтвей, скрюченныхъ и цѣпкихъ, какъ пальцы утопленника, и отталкиваясь отъ черныхъ крышъ, Алексѣй Степановичъ выплылъ за окраину, гдѣ вода разливалась широкимъ тускло-блистающимъ озеромъ. Онъ гребъ наугадъ къ насыпи, которая чернымъ гробомъ стала отдѣляться отъ темнаго неба. Нагибаясь впередъ, равномѣрно поднимая и опуская весла, Алексѣй Степановичъ закрывалъ глаза, и тогда казалось, что весь міръ остался гдѣ-то далеко назади, и онъ плыветъ давно, уже цѣлые года, плыветъ въ черную безконечность, гдѣ все ново и не похоже на оставленное позади. Такъ шли минуты, и когда онъ поднялъ голову, насыпь стояла передъ нимъ, высокая и строгая, а ближе сѣрѣла одинокая крыша, нѣмая и таинственная. Подъ нею чуялось присутствіе живыхъ людей, и то, что они молчали, когда кругомъ была вода и ночь, навѣвало на Алексѣя

Степановича неопредѣленный страхъ и тревогу. Онъ подогналъ лодку вплотную и остановился у маленькаго, безъ перилъ, балкона, совсѣмъ теперь лежавшаго на водѣ. Низенькая, кривая дверь вела внутрь, и весь домъ казался старымъ, покосившимся и покрытымъ заплатами, какъ нищій, и было удивительно, какъ совсѣмъ не повалила его сильная и буйная вода.

— Есть тутъ кто?—крикнулъ Алексѣй Степановичъ, и звукъ его голоса отскочилъ отъ крыши и, замирая, понесся по рѣкѣ. Внутри чердака послышались невнятные, хрипящіе звуки, какъ будто кого-нибудь душили. Привязавъ поспѣшно лодку, Алексѣй Степановичъ вскочилъ на балкончикъ и въ дверяхъ чуть не столкнулся съ женщиной, шедшей ему навстрѣчу.

— Это вы кричали?—мягко спросилъ Алексѣй Степановичъ, обрадованный видомъ живого существа, и вошелъ на чердакъ безъ приглашенія, привыкнувъ, чтобы вездѣ его встрѣчали, какъ спасителя.

— Да, я,—также мягко и виновато отвѣтила женщина и пошла за нимъ въ уголъ, гдѣ стоялъ столъ и на немъ маленькая икона, передъ которой теплилась тоненькая восковая свѣчка. Алексѣй Степановичъ мелькомъ оглядѣлъ низкій чердакъ, другой конецъ котораго утопалъ въ темнотѣ и остановилъ удивленный взглядъ на столѣ. Онъ былъ покрытъ чистою скатертью, и на немъ лежали рядомъ два темно-бурыхъ яйца и маленькая, покупная и, видимо, черствая булка.

— Что это?—спросилъ онъ, вглядываясь въ лицо женщины, молодое, но блѣдное лицо, улыбавшееся пугливой и искательной улыбкой, отъ которой еще печальнѣе становилось выраженіе большихъ и добрыхъ глазъ. Ему казалось непонятнымъ и страннымъ—эта одинокая женщина и приготовленія къ встрѣчѣ праздника тутъ, среди воды и ночи.

— Р-разговляться,—отвѣтилъ снизу грубый голосъ, точно раскатывающій букву *р*. Алексѣй Степановичъ

испуганно опустилъ глаза и у стѣнки, гдѣ крыша сходилась съ потолкомъ, увидѣлъ темную массу лежащаго и чѣмъ-то прикрытаго человѣка. Онъ нагнулся еще ниже, и то, что онъ увидѣлъ, поразило его страхомъ и отвращеніемъ. Дѣйствительно, это было страшное лицо. Крупное, опухшее и посинѣвшее, съ сѣдой колючей щетиной на подбородкѣ и щекахъ, оно походило на лицо утопленника, пробывшаго нѣсколько дней въ водѣ; полуприподнятыя тяжелыя вѣки, подъ которыми сѣрѣлъ тусклый и неподвижный зрачекъ, и тяжелый запахъ дѣлали этого живого мертвеца отвратительнымъ. Грудь лежащаго приподнялась, и изъ нея снова посыпались глухіе, рыкающіе звуки, а губы почти не шевелились, точно говорилъ не онъ, а кто-то другой внутри его.

— Титуляр-р-ный совѣтникъ Данковъ... Пріятно познакомиться.

Онъ набралъ воздуху и прибавилъ:

— Только не на долго. Умир-р-аю!.. Очень глупо.

Алексѣй Степановичъ молчалъ и смотрѣлъ на женщину. Та, продолжая улыбаться, сказала:

— Присядьте, пожалуйста. Извините, что обезпокоила васъ. Уже очень имъ худо стало, я и испугалась.

Говорила она голосомъ ровнымъ и безъ выраженія. И, кончивъ, она присѣла на полу, около старика, охватила колѣни руками и снизу вверхъ, не отрываясь, смотрѣла на машиниста. И то, чего не передалъ голосъ, досказали глаза. Въ нихъ было и довѣріе, и страхъ, и радость, что она видитъ живого, здороваго человѣка.

— А вы развѣ насъ не знаете?—спросила она.

Алексѣй Степановичъ отрицательно качнулъ головой, и женщина опустила глаза.

— Потому и пр-р-іѣхалъ, что не знаетъ,—отвѣтилъ Данковъ.—Онъ не дур-р-акъ. Позвольте р-р-екомендоваться... Пансіонъ содер-р-жалъ. Вр-родѣ отца былъ, а онѣ меня кормили. И домъ этотъ мой. А теперь всѣ разбѣжались. Какъ кр-рысы.

Въ глухомъ голосѣ звучала странная иронія.

— А она дур-ра. Осталась.

— Куда же бы я пошла?—неопредѣленно отвѣтила женщина.

— Молчи, когда умные говорятъ. Дурра...—бурчалъ старикъ.—А ты тоже прохвостъ?—внезапно перешелъ онъ на ты.—Что это я тебя не помню?

Алексѣй Степановичъ молчалъ. Онъ вспомнилъ теперь, что вскользь приходилось ему слышать въ слободѣ о Данковѣ и его дѣвушкахъ, отъ которыхъ сторонились самые небрезгливые, такъ были онѣ грязны, оборваны и дешевы.

— Тоже пр-рохвостъ,—утвердительно отвѣтилъ Данковъ, и на лицѣ его выразилось страшное подобіе улыбки.—Всѣ прохвосты. А она дурра. Оставили умирать, какъ собаку. Ступай вонъ! Слышишь?

Алексѣй Степановичъ неловко улыбнулся и посмотрѣлъ на женщину. Она не сводила съ него глазъ, словно боялась на мигъ потерять его.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ машинистъ, ласково глядя на „дурру“.

— Оля. А васъ?

— Алексѣй Степановичъ. Нужно васъ перевезти. Развѣ тутъ можно?

— Вчера какъ трабабахнетъ льдина...—бурчалъ старикъ.—Шальная.

— Нѣтъ уже, не къ чему,—отвѣтила дѣвушка.—Имъ тронуться нельзя. Скоро помрутъ.

— Корень моего бѣдствія въ томъ, что хвостъ я опустилъ. Живи такъ, чтобы хвостъ кольцомъ. Понялъ? А она дурра. Я ее билъ. Она вретъ, что я помру.

Алексѣй Степановичъ нѣсколько привыкъ къ рыкающему голосу, и теперь, когда лица старика не было видно, онъ казался только жалкимъ и вовсе не страшнымъ.

— И долго вы тутъ такъ?—спросилъ онъ Олю.

— Четыре дня. Со вторника. Ужъ очень они плохи. Вотъ передъ вами совсѣмъ я испугалась.—Оля наклонилась къ старику.—Иванъ Данилычъ, спите?

Старикъ молчалъ. Оля улыбнулась и прошептала:

— Заснулъ. Онъ все время засыпаетъ. Вы не вѣрьте, что онъ меня билъ. Это онъ передъ чужимъ хвастаетъ.

На минуту Оля умолкла и продолжала, видимо, радуясь звуку своего голоса и возможности поговорить:

— Развѣ такъ когда ударятъ. Пьяные. Съ горя. А то они ничего, у нихъ медали есть.

— Какая медаль?

— За службу. Они служили раньше. А теперь тоскуютъ. Все плачутъ, умирать не хо-чется. А то разныя страшныя слова говорятъ. О чортѣ.

— И ничего вы тутъ... одна-то?—съ участіемъ спрашивалъ Алексѣй Степановичъ.

— Днемъ ничего, а ночью стра-а-шно,—протянула дѣвушка.—Особливо вчерась. Дождь, къ намъ протекло, и свѣчу затушило. А они кричатъ: умир-раю. Потомъ пѣсни пѣли и ругались. Не такъ, не по нашему, а благородно ругались, какъ господа.

Внезапно домикъ затрясся отъ грохота и лязга взошедшаго на мостъ поѣзда, и за гуломъ его Алексѣй Степановичъ не слыхалъ, что говоритъ Оля. Постепенно лязганье стихло, и далекій свистокъ пронесся надъ водой.

— Ольга!—заговорилъ Данковъ, не открывая глазъ.—Ты не уходи! А онъ ушелъ? Пр-рохвостъ.

Оля шепнула Алексѣю Степановичу и отвѣтила, что ушелъ.

— Р-руку...—Данковъ съ трудомъ выговаривалъ слова.—Р-руку положи. Дур-ра, не туда. На губы.

Оля положила руку и тотчасъ отдернула ее.

— Ну, что это вы, Иванъ Даниловичъ! Опять за глупости.

— Не пр-ривыкла. А я, когда молодой былъ, всегда у бар-рышень р-ручки цѣловалъ. Душистыя. Молодецъ я былъ. Дур-ракъ былъ!

Оля молчала, наклонившись надъ опухшей, безобразной головой. Алексѣй Степановичъ видѣлъ, какъ она поднесла къ глазамъ конецъ платка, и тихонько на носкахъ вышелъ на балкончикъ. Тамъ онъ прислонилъ голову къ столбу, и когда посмотрѣлъ на рѣку, все дрожало, и звѣзды дробились и сверкали, какъ большіе, блѣдно-синіе круги. Ночь потемнѣла, и отъ безмолвной рѣки несло холодомъ.

Отсюда береговъ не было видно, и если смотрѣть къ городу, то казалось, что водѣ нѣтъ конца. Только по двумъ-тремъ, точно висѣвшимъ въ воздухѣ, огонькамъ можно было догадаться, что въ той сторонѣ живетъ и волнуется многолюдный городъ.

Внезапно на верхушкѣ горы, тамъ, гдѣ должна была находиться соборная колокольня, блеснулъ яркій бѣлый свѣтъ, и тьму прорѣзалъ столбъ электрическаго свѣта, узкій въ началѣ и широкій къ концу, а куда онъ упалъ, тамъ заблестѣли влажныя крыши, и засверкали штукатуренныя стѣны. И въ ту же, казалось, секунду и рѣка, и темная ночь, и синее небо вздрогнули и загудѣли, и трудно было понять, откуда выходилъ этотъ густой, дрожащій отъ полноты, могучій и бодрый звукъ. И только когда присоединились къ нему мягкіе, идущіе волной звуки съ ближайшей колокольни, Алексѣй Степановичъ понялъ, что начался пасхальный благовѣстъ, и показалось ему похоже на то, словно пробудилась сотня великановъ и заговорила, сдерживая въ мѣдной груди своей мощный голосъ. Онъ все расширялся и росъ, и скоро всѣ тихіе звуки ночи утонули въ его властномъ и радостномъ призывѣ. Со всѣхъ концовъ темнаго горизонта лились мѣдные голоса, одни важные, старые и задумчиво серьезные, другіе молоденькіе, звонкіе, веселые, и сплетались между собою

въ разноцвѣтную гирлянду, и, какъ ручьи, вливались въ мощную глубину соборнаго колокола.

Алексѣй Степановичъ снялъ шапку и перекрестился. И когда онъ обернулся, то увидѣлъ, что рядомъ стоитъ Оля, и на блѣдномъ лицѣ ея горитъ отблескъ далекаго бѣлаго свѣта. Одной рукой она держалась за столбъ, другая придерживала на шеѣ легкій платокъ.

Вотъ на колокольнѣ Василія Великаго вспыхнулъ пожаромъ красный бенгальскій огонь и багровымъ заревомъ легъ на черную рѣку. И во всѣхъ концахъ горизонта начали зажигаться красные и голубые огни, и еще темнѣе стала великая ночь. А звуки все лились. Они падали съ неба и поднимались со дна рѣки, бились, какъ испуганные голуби, о высокую черную насыпь и летѣли въ высь свободные, легкіе, торжествующіе. И Алексѣю Степановичу чудилось, что душа его такой же звукъ, и было страшно, что не выдержитъ тѣло ея свободнаго полета.

Руки его коснулась другая горячая рука, и ухо различило тихій, боязливый и радостный шопотъ:

— Правда, что который человѣкъ на Пасху умираетъ, тотъ прямо на небо идетъ?

— Не знаю... Да, правда,—также тихо отвѣтилъ онъ.

Звуки все лились, и радость ихъ становилась бурной, ликующей. Точно мѣдныя груди разрывались отъ радости и теплыхъ слезъ.

На маленькомъ балкончикѣ смутно темнѣли двѣ человѣческія фигуры, и ночь и вода окружали ихъ. Въ доскахъ пола ощущалось легкое, едва уловимое содроганіе, и казалось, что весь старый и грѣшный домишка трясется отъ скрытыхъ слезъ и заглушенныхъ рыданій.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“:

Цѣна:

33. М. Горькій. Разсказъ Филиппа Васильевича . . 5 к.
34. М. Горькій. Тюрьма. . . . . 8 „
35. М. Горькій. Трое. . . . . —

41. Скиталецъ. Стихотворенія. Книга I. . . . . 5 „
42. Скиталецъ. Стихотворенія. Книга II . . . . . 6 „
43. Скиталецъ. Сквозь строй . . . . . 12 „
44. Скиталецъ. За тюремной стѣной. . . . . 5 „
45. Скиталецъ. Октава. . . . . 12 „
46. Скиталецъ. Ранняя обѣдня . . . . . 3 „
47. Скиталецъ. Полевой судъ. . . . . 5 „

51. Л. Андреевъ. Набатъ. . . . . 2 „
52. Л. Андреевъ. Ангелочекъ. . . . . 3 „
53. Л. Андреевъ. Молчаніе. . . . . 3 „
54. Л. Андреевъ. Валя. . . . . 3 „
55. Л. Андреевъ. На рѣкѣ . . . . . 4 „
56. Л. Андреевъ. Въ подвалѣ . . . . . 3 „
57. Л. Андреевъ. Петька на дачѣ . . . . . 3 „
58. Л. Андреевъ. У окна. . . . . 5 „
59. Л. Андреевъ. Жили-были. . . . . 5 „
60. Л. Андреевъ. Въ темную даль. . . . . 4 „

61. С. Гусевъ-Оренбургскій. Ометъ. . . . . 3 „
62. С. Гусевъ-Оренбургскій. Конокрадъ. . . . 2 „
63. С. Гусевъ-Оренбургскій. Миша. . . . . 2 „
64. С. Гусевъ-Оренбургскій. Послѣдній часъ. . 6 „
65. С. Гусевъ-Оренбургскій. На родину . . . . 4 „
66. С. Гусевъ-Оренбургскій. Сквозь преграды. . 2 „
67. С. Гусевъ Оренбургскій. Кахетинка. . . . 3 „
68. С. Гусевъ-Оренбургскій. Бѣдный приходъ . 2 „
69. С. Гусевъ-Оренбургскій. Злой духъ. . . . . 4 „
70. С. Гусевъ-Оренбургскій. Жалоба. . . . . 5 „

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“:

Цѣна:

71. А. Серафимовичъ. Въ камышахъ. . . . . 3 к.
72. А. Серафимовичъ. Месть. . . . . 4 „
73. А. Серафимовичъ. На льдинѣ. . . . . 4 „
74. А. Серафимовичъ. Степные люди. . . . . 5 „
75. А. Серафимовичъ. Ночью. . . . . 3 „
76. А. Серафимовичъ. Сцѣпщикъ. . . . . 3 „
77. А. Серафимовичъ. На заводѣ . . . . . 5 „
78. А. Сарафимовичъ. Подъ землей. . . . . 6 „
79. А. Серафимовичъ. Подъ уклонъ . . . . . 3 „

81. А. Купринъ. Дознаніе. . . . . 3 „
82. Н. Телешовъ. Пѣснь о трехъ юношахъ. . . . 3 „
83. Н. Телешовъ. Противъ обычая. . . . . 3 „
84. Н. Телешовъ. Домой. . . . . 3 „
85. Н. Телешовъ. Хлѣбъ-соль. . . . . 3 „
86. С. Елпатьевскій. Спирька. . . . . 8 „
87. С. Елпатьевскій. Пожалѣй меня . . . . . 2 „
88. С. Елпатьевскій Присяжнымъ засѣдателемъ . 3 „
89. Ив. Бунинъ. Стихотворенія . . . . . 4 „
90. К. Бальмонтъ. Стихотворенія . . . . . 3 „

91. С. Юшкевичъ. Невинные . . . . . 4 „
92. С. Юшкевичъ. Убійца. . . . . 3 „
93. С. Юшкевичъ. Кабатчикъ Гейманъ. . . . . 7 „
94. С. Юшкевичъ. Ита Гайне. . . . . —
95. С. Юшкевичъ. Человѣкъ. . . . . —
96. С. Юшкевичъ Евреи. . . . . —
98. А. Черемновъ. Стихотворенія. Книга I. . . . —
99. А. Черемновъ. Стихотворенія Книга II. . . . —
100. Е. Чириковъ. Евреи. . . . . 12 „

и другія книги.

Типографія А. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. 34.